

Спецпроект газеты "Эхо"

Дорогие читатели!

Мы продолжаем писать историю сел и деревень, расположенных по берегам реки Ини, самой крупной водной артерии Промышленновского района. Очередную, четырнадцатую, остановку делаем в небольшой деревеньке Подкопённой.

СПРАВКА «ЭХА»

Подкопённая расположена в десяти километрах от села Лебеди. Численность населения – 115 человек, трудоспособного возраста – 69 человек.

В Подкопённой – 33 двора, десять личных подсобных хозяйств.

В 70-ых годах прошлого столетия в Подкопённой проживало 168 жителей, насчитывалось 42 личных подсобных хозяйства.

В деревне действовала начальная школа, клуб, медпункт, магазин. В годы перестройки вся социальная сфера была разрушена.

Подкопённая входит в состав Лебедевского сельского поселения, является второй бригадой ООО «Лебеди». В 1930-х годах это был колхоз «Красная горка».

Подкопённая

Крепко братство куканское

История деревни Подкопённой началась до революции

Татьяна КОВАЛЕВА ■

В то время на противоположном берегу реки Ини, недалеко от мельницы, находилась Новая деревня, в которой насчитывалось до 300 дворов. В ней жили как богатые, так и бедные люди.

Земли в Новой деревне было мало, и один из батраков, Лаврентий Титович Головин, решил отделиться, поселиться на отрубе и начать самостоятельно вести хозяйство.

К нему присоединились несколько бедняков с семьями. Среди них был Андрей Иванович Угрюмов. В Промышленной в настоящее время проживают его внук, Петр Михайлович Угрюмов, вместе с женой Наталией Николаевной (Лизневой), сыновьями Владимиром, Николаем и дочерью Любовью (Живаевой).

Здесь же, в Промышленной, живут со своими семьями дети еще одной внучки Андрея Ивановича Угрюмова – Валентины Андреевны Носовой (Головиной): дочь Нина Черникова и сын Геннадий Носов. Валентина Андреевна была внучкой переселившегося на новую землю Лаврентия Головина, поэтому ее дети являются его прямыми потомками.

Как зарождалась Подкопённая?

Её название происходит от близлежащей горы, по форме напоминающей копну сена. Гора необычна тем, что состоит из песка и когда-то здесь было русло реки Ини. На горе растут редкие лекарственные растения.

Есть у деревни и другое, неофициальное, название – Кукан.

1) **Куканом в народе было принято называть отдалённое место.**

2) **Куканом называют и приспособление для наизывания пойманной рыбы.**

3) **Рассказывают, что зажиточные крестьяне деревни Татары, в пяти километрах от Подкопённой, держали отруба и для сельхозработ отправляли туда малоимущих крестьян-переселенцев. Отдалённое место называли куканом. Очевидно, по аналогии с куканом – приспособлением для пойманной рыбы, которой с кукана уже не сорваться.**

Постепенно существительное нарицательное перешло в разряд имен собственных.

От прежних времен осталось куканское братство. Люди были удивительно дружны.

Поднимешься на гору-копну – вокруг откроется краси-

вейший вид. С одной стороны на пригорке раскинулся лес, его в народе называют борком. Здесь много грибов и ягод. У подножия «копны», в кустарнике, спряталось озеро Подкопённое.

Дальше, в сторону реки, есть озеро Конопляное. Рядом с ним – заросшее старое русло Ини, старица. Здесь плавают и кормятся утиные семейства. На заросших водоёмах могут встретиться цапли.

Выше по течению, за поворотом, – Сенькин угол. Ниже по течению – песчаный берег Ерашкина угла, ещё ниже – Водопой, любимое пляжное место деревенских.

Эти названия, по рассказам местных жителей, произошли от фамилий владельцев земельных наделов, расположенных поблизости.

Вдоль реки, в сторону Усть-Тарсьмы, есть два озера – Малая и Большая Хомутина, получившие название из-за своего вида, напоминающего хомуты. В этих местах увидишь плотины из поваленных деревьев, выстроены бобрами.

Есть около деревни ещё одна достопримечательность – Куканский пруд, любимое место отдыха и рыбалки не только жителей Подкопённой.

В жаркие, летние дни здесь можно искупаться в прохладной воде. По всему лугу, в котором находится пруд, есть много родников. Во время дождей пруд наполняется водой и становится проточным – воля вольная для рыбы.

До 70-ых годов прошлого столетия рядом с прудом располагалась летняя колхозная дойка. Дальше была дорога через дамбу. Напрямую до Лебедей всего пять километров. Вдоль этой дороги раскинулись посевные поля и пастбища. На одном из таких пастбищ, ближе к реке, была ещё одна летняя дойка. В то время водопровода не было и коров пасли около водоёмов.

Спускаясь ниже вдоль реки, попадешь в Самарский угол. Это место богато смородиной, шиповником, калиной, черемухой, боярышником.

Недалеко от Самарского угла на реке была мельница. Сюда со всех окрестных деревень везли зерно. Сейчас от мельницы и следа не осталось.

Много деревень исчезло с земли-матушки, но небольшая деревенька Подкопённая продолжает жить и хранить память о своих первых поселенцах.

В 1933 году в Кукан при-

ехал Пантелей Поликарпович Червов с женой Клавдией Степановной. До этого они, переселенцы из Кубани, жили в Корбелкине и Александровке. (Записано со слов их сына, Николая Пантелевича Червова).

Переселенцами были и Николай Матвеевич, Парфентий Матвеевич и Александра Матвеевна Пановы.

В 1930-1931 годах люди из Александровки стали переселяться в Кукан, но большая часть колхозников поехала в Лебеди, где находилась МТС.

Путь одного из первых жителей деревни Андрея Ивановича Угрюмова в Подкопённую лежал через Тобольскую губернию. Андрей Иванович работал в Томске на кожевенной фабрике. Переехал в Новую деревню, затем в Александровку, а уже после поселился в Подкопённой.

Из Александровки переехал в Кукан и Алексей Дудин. Его женой стала Анна Николаевна Лизнева. В 1928 году у них родился сын Зиновий.

В деревне родилась и выросла Анна Петровна Нагаева (Анникова).

В 1964 году из Чувашии приехали Варламовы. Аркадий Иванович Варламов с семьёй и сейчас живёт в Подкопённой.

Поклонюсь деревеньке

Татьяна КОВАЛЕВА ■

Анна Нагаева – уроженка Подкопённой. Здесь прошли её детство и юность. На два десятка лет она уезжала из родной деревни, вернулась в лихие девяностые.

Анна работала дояркой, фуражистом, истопником в конторе. Уже будучи на пенсии устроилась почтальоном.

Чтобы поднять и выучить троих детей, с мужем, Анатолием Михайловичем, держали огромное подсобное хозяйство. Сейчас дочери Марина и Ольга, сын Роман живут в Промышленной. Роман пошёл по стопам родителей, занимается личным подсобным хозяйством.

Анна с мужем окончили Кемеровский сельхозтехникум, оба – зоотехники. Там и познакомились. После учёбы поженились, вместе работали в Ленинск-Кузнецком племобъединении.

Анатолий Михайлович долгое время трудился на руководящих постах в разных районах и хозяйствах. Когда Нагаевы вернулись в Кукан, стал бригадиром отделения совхоза «Лебедевского». В настоящее время он староста деревни.

– Семья моего отца, Петра Ивановича Анникова, приехала из Пензенской области. Бежали в Сибирь, как и многие, от голода. Вначале поселились в Раннем, позже переехали в Кукан, – вспоминает Анна Петровна. – Тётка переманила. Вышла замуж за местного шабашника и моих родителей уговорила переехать. Мама, Надежда Дмитриевна, в девичестве Зарубина, родом из Окунева. Её родители крепко стояли на ногах.

Мама говорила, что первые семьи поселились на возвышенности неслучайно. Люди раньше многое понимали. Как-то мы с ней заговорили о наводнении, она вдруг: «Если топить будет, бежать надо в сторону Салаирских гор, Тянь-Шаня, Гималаев. Только там можно будет спастись. Если разольётся океан, затопит всю Западню-Сибирскую низменность».

– Вы слышали, что наша гора состоит из песка? – продолжает Нагаева. – Так вот, этот песок никогда не разрешали добывать. Чтобы не затопило. От деревни до реки – около километра. Рядом – озеро, которое хотели осушить мелиораторы, но не смогли. Под нами проходят угольные пласты. Видно, в природе все взаимосвязано и она не даёт вмешиваться в естественные процессы.

– Наши места чем хороши? – нахваливает Анна Петровна. – Всё рядом! Мы клубнику собираем в 50 метрах от дома. В реке полно рыбы всякой, в лугах растут редкие лекарственные травы, такие как девясил, кошачья лапка двудомная и другие. Рыбными местами да ягодами и заманили наших родителей.

Анниковы переехали в Кукан в марте 1941-го. Поселились они в доме, построенном из саманных кирпичей. Эти кирпичи делали из глины с рубленой соломой. Сушили на солнце, затем выкладывали из них стены. Деревянных домов единицы были.

Сама Анна родилась в трагическом для семьи 1951-ом году. Река забрала сразу две родные жизни – отца и сестры.

Случилось это так. Местные девчата набрали ягод и решили понести их на базар в Промышленную, чтобы купить учебники. Среди них была и сестра Ани, Людмила. В деревне её звали Кланькой. Почему, Анна Петровна уже и не помнит.

Деревенские ходили через брод возле мельницы. Петр Иванович решил проводить девчонок. Людмила отстала, шла последней, оступилась – её и затянуло в омут. Отец кинулся спасать дочь. Та схватила его за обе руки. Они несколько раз выныривали, уходили под воду, вновь всплывали. Отец ей кричал, чтобы отпустила хотя бы одну руку, но та не слышала и утянула его за собой... Вот так оба и утонули.

Знаменитости Подкопённой:
Юрий Панов (1939-2007 гг.), художник, кузбасский журналист, писатель, автор повествования «Сиблаг ГУЛАГа». Жил в Междуреченске. Лидия Зарубина, дочь Ивана Носова. Работала директором филармонии, живёт в Ярославле. Фото 1967 г.

Михаил Николаевич Лизнев, Зиновий Алексеевич Дудин, Мария Федотовна Лизнева (Чиглинцева), Евдокия Борисовна Лизнева, Валентина Лизнева, Анна Дмитриевна Лизнева.

Василий Николаевич Лизнев с женой Ульяной и сыном Юрой.

Колхозницы: верхний ряд: Марья Лаврентьевна Малышко (Головнина), Надежда Дмитриевна Анникова; средний ряд: Марья Васильевна Носова, Маруся Дудина; нижний ряд: Валентина Федоровна Шабашова, Клавдия Федоровна Кайнова, Валентина Дмитриевна Угрюмова, Анна Дмитриевна Муратова (Угрюмова). Конец 1950-х.

ДО САМОЙ ЗЕМЛИ

Люба и Сергей Михайловы, Татьяна Угрюмова и Геннадий Носов.

Иван Иванович Носов с дочками Тоней и Лидой.

Клавдия Шабанова, Анна Разумова, Вера Головнина, Наталья Лизнева.

Авдотья Носова, Марья Васильевна Носова (Илюшина).

Кузнецы Михаил Анников и Андрей Головнин.

Марья Носова, её сноха Аля с дочерьми Натальей и Ольгой.

– Трагедия произошла в августе, – вспоминает Анна Петровна, – а в октябре я родилась. Брат Михаил школу бросил, пошел работать в кузницу. Умер он в нынешнем году, немного не дожид до 80-летия.

– Я росла со старушками. Отца не было, поэтому бабушки ходили к нам вечерять. Кто вязал, кто шерсть теребил. Сама я тоже рано прясть начала, носки вязать. И много рассказов от старших слышала, запомнила, – говорит Анна Петровна. – Легенды ходили о чудодейственной силе лебедевского источника. В былые времена бродили по деревням побирушки, среди них был один слепой. Умылся он однажды этой родниковой водой и через какое-то время стал видеть. Говорили, если в Крещенскую ночь постоять босиком в целебной воде возле источника, она даст силу и здоровье.

Если болезни не отступали, деревенские обращались к знахаркам. Их было несколько. Баба Саня Плутонова слыла повитухой, роды у женщин принимала, могла и лечить. Авдотья Лизнева была костоправом, её сноха Агафья отливала на воск от испуга.

В народе пользовался популярностью гриб-дождевик, местный пенициллин. Его сушили, измельчали и засыпали им раны. До врачей в райцентр не каждый доберется, вот и лечились народными средствами.

– Весёлой была тогда деревня, – вспоминает Анна. – Только солнышко пригреет, на ту же Пасху, женщины наряжались, надевали широченные юбки, цветные платки, мужчины – шаровары, собирались на лавочке в центре деревни. Играли на гармошках, балалайках. Песни и пляски не смолкали. В клубе кино крутили. Ребятня играла в лапту, «из круга вышибала», в «третий лишний», гоняла на велосипедах. Старушки на лавочке наблюдали за молодёжью. Им-то всё интересно!

– Певуний деревенских было не счесть, – уверяет Анна Петровна. – Все пели! Особенно голосистыми были Марья Носова, Надежда Анникова, Надежда Карпова, Клавдия Червова, Клавдия Кайнова, Анна Лизнева, Анна Анникова, Нина Малышко. Валя Воробьева и Валя Разумова так пели, что дрожь пробирала.

Куканская самодеятельность всегда была в почёте на больших праздниках, что проходили на центральной усадьбе в Лебедях. И на проводах Русской зимы блистали.

Куканские не только пели и плясали – они всегда ударно работали. Механизаторы и животноводы бригады № 2 шли впереди всех по производственным показателям. Хорошие надои были у Анны Дудиной, Клавдии Кайновой, Марьи Носовой, Елены Головниной.

Сколько за свою жизнь вилами перекидали скотники Иван Носов (немой с рождения) и Василий Кайнов! Мастерскими кузнецами слыли Михаил Анников и Андрей Головнин.

Свинарками трудились Марья Пасловина, Надежда Анникова, Маруся Дудина, Валентина Шабашова, Клавдия Кайнова, сестры Валентина и Анна Угрюмовы.

Нередко женщины из доярок переходили в свинарки, становились телятницами. Дворы рядом стояли, а работа одна на всех, общая.

Надежда Анникова, мама Анны Петровны, возила на лошадке воду. Ежедневно надо было привезти 40 бочек воды, чтобы напоить весь скот. Водопровод появился только в 70-ом. До него деревню поили три колодца.

Многих старожиллов уж нет в живых, кого-то забрали дети в Промышленную, в город. Из всего производства в Кукане осталась только животноводческая ферма.

К Анне Петровне частенько обращаются односельчане – за помощью или советом. С болью говоря о своей родной умирающей деревеньке, Анна Петровна неожиданно пропела:

*Деревенька моя, ста-ра-я,
Поклонюсь я тебе до земли.
Ты прости, что тебя мы оставили,
И корнями в тебя не росли...*

Сросся с лугами и сограми сибирскими

Татьяна КОВАЛЕВА

Семья Аркадия Варламова переехала в Кукан из Чувашии.

– В 1964 году моих родителей перетянул сюда родной брат отца, Андрей Варламович Варламов. Годом раньше приехал в деревню старший брат Николай. Он сейчас живёт в Лебедах, – рассказывает Аркадий. – Прибыли летом. Николай встречал нас на коне. Ехали через лебедевский источник. Трассы тогда не было. Напрямую, по горам, от Лебедей до Кукана всего пять километров, в объезд – десять. Я тогда впервые узнал, что такое сибирская жгучая крапива. Схватил её, думал, польнь. Сильно обжёгся. На Волге ведь крапивы нет.

– Деревня смотрелась бедненько, – продолжает вспоминать Аркадий Иванович. – Строительство домов только началось. В основном стояли амбарушки-клетушки, крытые жердями, хворостом да землёй. Только у Пантелея Червова дом был под железной крышей. У Леонида Шабашова был крыт шифером, у Евдокии Лизнёвой – тёсом.

Помню, вдоль нашей улицы Луговой стояли друг за другом амбары с колхозным зерном, рядом – деревянный магазинчик. В конце улицы была старая, заброшенная школа. Какое-то время там крутили фильмы. У нас, ребяташек, денег не было, так мы с улицы кино смотрели, через окно.

«**Что было чудом для нас, так это электричество! Там, в России, света в домах не было, а здесь уже был.**»

– Вскоре началось строительство клуба. Строили его муж моей тётки Лизы, Алексей, с татариним Галеевым. Имени его уж не помню. Брат Николай с двоюродным братом Иваном подносили кирпичи, а я им воду таскал из колодца, – продолжает Аркадий.

Третий-четвертый класс Аркадий заканчивал в своей деревне, с пятого по восьмой учился в Лебедевской школе. Среднее образование получал во второй школе в Промышленной.

Получил специальность сварщика, отучился в ДОСААФе на водителя. После армии ненадолго вернулся в Кукан, затем – в Лебеди. Шесть лет отработал на севере. Какое-то время жил в Кемерове. Довелось участвовать в ликвидации последствий землетрясений в Армении.

В 1991-ом вернулся в родную Подкопённую. Уже навсегда. Город Аркадий покинул ради родителей, кото-

рые нуждались в его поддержке. Тогда он ещё не знал, что встретит здесь свою судьбу.

Его будущая жена, Наталья Кандоба, после окончания Кемеровского института культуры, по специальности «Педагог-организатор досуга детей и подростков», приехала в Подкопённую в качестве заведующей клубом, сменив Полину Семеновну Ершову. Это был февраль 1997 года.

– Начальной школы уже не было, – вспоминает Наталья Александровна. – Ученики добирались в Лебеди на рейсовом автобусе. Потом их стали возить на школьном. После учебы ребяташки с радостью бежали в клуб. Был стабильный костяк – 15-20 человек, с которыми готовили различные мероприятия, концерты к праздникам, конкурсные программы. Женщины приходили в клуб петь. Жаль, сейчас только одна Анна Петровна Нагаева может по деревне с песней пройтись. А ведь душа-то всегда песни просит!

Клуба нет: разобрали до основания. Когда здание пришло в аварийное состояние, Наталья Александровна стучала в разные инстанции, чтобы его отремонтировать, но так ничего и не добила. Потолок провис, электропроводка пришла в негодность. В один прекрасный день приехала комиссия

из Промышленной. Пожарные выписали предписание о закрытии клуба. Так Наталья осталась без работы, а куканские лишились единственного очага культуры. Теперь каждый в своём гнездышке сидит, даже по большим праздникам...

Особенно тяжело было деревенским в годы перестройки, когда зарплату годами не платили. Варламовы выращивали быков, свиней, овец, разводили кроликов, держали бройлеров на мясо. Спасались домашним хозяйством, которое и сейчас выручает.

В Кукане особо работать негде. Когда Аркадий 12 лет назад получил травму позвоночника, пришлось всю технику со двора продать – трактор, сенокосилку, грабли, плуг, а следом и всю скотину. Оставили только птицу. Тяжёлая работа теперь ему не по силам. Одна надежда – жена. Детей растить и учить надо.

Сын Даниил учится в кемеровском лицее. Дочь, восьмиклассница Анастасия, в этом году занялась научно-исследовательской работой по сбору исторического материала о своей малой родине – Подкопённой. Планирует выступить на школьной научно-практической конференции в Промышленной.

Кстати, она охотно поделилась сведениями о возник-

новении деревни для нашего проекта.

Жизнь стремительно пролетает, а в памяти Аркадия Ивановича до сих пор свежи картины той далёкой колхозной жизни, когда он ранним утром убежал на конюшню, чтобы заполучить лошадь для перевозки копен. Тогда все деревенские ребяташки работали на сенокосе за трудодни и флягу мёда, которую привозил бригадир Федор Иванович Гавриленко в качестве сладкого поощрения. Ради этого мёда пацаны даже про речку забывали.

Помнит, каким большим был конный двор в Кукане, а его отец, Иван Варламович, с мужиками мастерили телеги, сани, оглобли, гнули полозья.

Помнит, как стучали молотками в кузнице мужики, как круглосуточно сушили зерно на сушилке, как всей деревней весело отмечали народные праздники.

Более полувека прошло с тех пор, как его пацаном привезли родители в далёкую Сибирь, в небольшую деревушку, стоящую словно на копне сена, которая с годами стала его второй родиной. И он уже навеки сросся с дикими сограми, ягодными лугами и тихой рыбной Иней, которая, оглябая препятствия, несёт свои воды в могучую Обь.

Ты кукуй, кукушка, как можно дольше!

Елена ЧЕРНИКОВА ■

В августе 2005 года в газете «Кузбасс» была опубликована статья под названием «Кукуй, кукушка, дольше» талантливого кузбасского художника, журналиста и писателя Юрия Панова. Он родился и рос до десяти лет в деревне Подкопённой.

Лаврентий Титович Головнин с женой Ариной Егоровной и родственниками.

Я Юрия Парфентьевича никогда не видела, зато в фотоальбоме моей мамы, Нины Петровны Черниковой – дочери Петра Ивановича Носова и Валентины Андреевны Головниной, хранятся несколько профессиональных снимков, сделанных им зимой 1980 года, в один из приездов на малую родину. Больше Юрий Парфентьевич в наших краях не был.

Сын пимоката Парфентия Панова и колхозницы Александры Лизнёвой в последние годы жизни мечтал побывать в Кукуе, но из-за тяжелой, продолжительной болезни так и не смог...

– Очень тоскую по месту, где родился, – признавался на страницах газеты «Эхо» Юрий Парфентьевич на презентации своего двадцатилетнего труда – документальной повести «Сиблаг ГУЛАГа». – Более тридцати лет там не был! Помню, как мальчишкой убежал от матери из Кемерова через Топки в родной Кукуе! Да, мне там все родные, все дороги, кто помогал нам в тяжелые годы выжить, – Головнины, Лизнёвы, Угрюмовы, Малышко, Носовы, Пахтушкины – пасечники и, конечно же, Пановы. А как там в лесу птицы поют, заслушаешься! Всего десять лет прожил в тех краях, а о них – самые светлые воспоминания... Хотя, говорят, от моей Подкопённой ничего не осталось – разъехались оттуда

люди... Может быть, в следующем году, где-нибудь в конце мая, когда стародубки зацветут, зазеленеют нежно березки, Бог даст, босиком пройду по родной земле... Низкий поклон всем моим землякам. Надеюсь на скорую встречу!

Тутушные

В семье жителей Новой деревни, моих прапрадедов Лаврентия Титовича Головнина и Арины Егоровны выросло шестеро детей: двое дочерей Лаврентия от первого брака, Андрей, Яков и Марейка.

– Родители были высокие, рослые. Мама – черно-волоса, черноглаза. Андрюша в нее пошел. Я и Марейка тоже на нее походили. А Яша – в отца, русский был, – вспоминала одна из дочерей Лаврентия, Зоя Ушакова.

– Местные мы. Деды и прадеды здесь давно жили. Русски, чисто русски, – рассказывала Зоя Лаврентьевна. – Помню, когда Колчак бежал, я была маленькая, с Яшей и Марейкой сидели на печке и слышали разговор, что мы – сибиряки, тутушны! Один от одного нарождались – и тут жили.

– Мама рано осталась круглой сиротой. До замужества жила в деревне Борухино, за Лебедами. Ходила в прислугах. Отец наш овдовел, люди и посоветовали Арине выйти за Лаврентия замуж. «Аринка, зачем тебе на богатых работать, лучше сама себе будешь хозяйка», – говорили ей. Вот она и пошла. Отец жил небогато: двух коней да двух коров держал. Остался с тремя детьми. Самый маленький умер, а двух

дочерей воспитывала мама. Одна потом вышла замуж в Лебеди, а другая, Анна Попова, жила в Кукуе.

Сколько годков на тот момент было Арине Егоровне, Зоя Лаврентьевна не знала, «не интересовалась», но мама ей рассказывала, что это ее сиротство заставило выйти замуж. «Вот пойдем, – говаривала она, – в клуб, в деревню. Дак я все оставала, позади него шла. Стыдно было: он уж с бородой, а я еще молоденькая».

Дедова памятка

Жили Головнины в Новой деревне, которой уже давно нет на карте. Земля там, по словам Зои Лаврентьевны, была солончаковая и хлеба рождала плохие. А за речкой пустовали хорошие земли. У богатых была возможность переправить туда работников, коней, сеять да вывозить рожь и пшеницу. Беднота же сидела без хлеба.

Лаврентий, хоть и малограмотным был, но знал, что закон о землеустройстве 1911 года разрешал крестьянину получать земельный отруб, переносить на такое место дом и хозяйство.

– И вздумал мой отец хлопотать, – рассказывала Зоя Лаврентьевна. – И хлопотал-таки поселок.

Началось это еще до революции. Жил на квартире у Головниных инженер-землеустроитель. Лаврентий Титович и поинтересовался у него, можно ли за рекой поселок отрезать. Инженер уехал в Щеглово (сейчас – Кемерово), посмотрел земельные планы и вернулся с хорошей вестью.

Измерили они за рекой всю землю, какая показалась Лаврентию Головнину удобной. Измерили и согры, и леса. Однако хлопотал он не только для себя. Он стал записывать всех желающих переехать на новое место.

Богачи сразу все записались.

– Жалко им было отдавать-то земли хорошие! – уточняла Зоя Лаврентьевна. – А у них в Новой деревне и дома, и постройки большие. Подумали, подумали, как переезжать со всем добром будут, да и отказались.

Лаврентий Титович снова пошел к людям. Когда же местная беднота записалась на новое место, богачи – в дыбки. Поехали в Томск судиться. Только ничего у них не вышло. Присудили судьи Лаврентию отрезать поселок, а тот самый инженер предложил дать ему имя – Головинский.

– Будет, – говорит, – на всю жизнь памятка твоим внукам и правнукам.

– Глянь, деревня стоит у горы, как под копной, – заметил Головин. – Назовем Подкопённой.

Так и появилась в 1918 году деревня Подкопённая...

– А няня, старшая дочь отца, – вспоминала Зоя Лаврентьевна, – не смогла в тот год уехать с нами. Все кричала: «К черту куда-то, на кукуе собрались!» Так и подхватили – кукуе да кукуе. И прозвище деревне дали.

Знал Лаврентий Головин и о том, что банкам разрешали давать ссуды малоземельным крестьянам, переселившимся из центральных губерний в Сибирь, под залог общинной земли. Получил в Щеглово ссуду на

обустройство земельного надела – Подкопённой. Вместе со всеми за нее расплачивался, а квитанции о погашении ссуды с расписками от людей всю жизнь как зеницу ока хранил в железной коробочке из-под комкового сахара.

Рассказывала Зоя Лаврентьевна, что попали они не к черту – в рай!

– Воздух легкий! Сюда посмотришь – леса. Туды – согры. Кукушки кукуют! А на луга пойдешь, каких только трав-цветов не увидишь! Весной огоньки зацветут, так мы пойдем любоваться, венков наделаем. Красота! Хлеба стали родить. Просо, рожь, пшеницу сеяли. Обзавелись хозяйством: коровами, овечками, гусями, утями, курами. Мяса вдоволь ели!

Еще до переезда жители Новой деревни знали на Кукуе про блестящую гору. Рассказывали, один смельчак решил сходить посмотреть, что там за чудо такое. В том месте, где стояла водяная мельница, перешел через реку, поднялся на гору и увидел – змеи клубками вьются, на солнце греются и переливаются! И видимо их невидимо!

По мере того, как новые поселенцы обживали свой уголок, змеи стали потихоньку уходить и через три года исчезли совсем.

Зоя Лаврентьевна уверяла, что у тех змей было по четыре ноги:

– Разобьешь ей палкой башку, наберешь хвороста, подожжешь да и кинешь змею в костер. А она в огне как выгнется и ноги свои покажет!

Окончание на стр. 16-17.

КСТАТИ

Вместе с Головниными переехали на Кукуе и другие мои прапрадеды: Андрей Иванович и Варвара Захаровна Угрюмовы. Было у них три дочери – Люба, Клаша, Рая, и двое сыновей – Михаил и Димитрий.

Клавдия Андреевна Головнина (Угрюмова).

Андрей Лаврентьевич Головнин на новеньком мотоцикле.

Михаил Андреевич Головнин с женой Еленой, сыновьями Колей (справа) и Васей (слева).

– Андрей Иванович Угрюмов в старости был колхозным зазывалой, – рассказывала баба Зоя. – Утром слышишь: «На работу, кинуреечки! Собирайтесь на работу». Ну, тоболяки были, окали.

Варвара, жена Угрюмова, была среднего роста, а Андрей Иванович – смуглый да маленький, и дочка Клавдия пошла в него.

– Понравилась Клаша моему брату Андрюхе. Ему 18-ти не было, а она на год постарше. Женился, – улыбается Зоя Лаврентьевна.

В то время замужние две косы плели, обвивали вокруг головы и покрывали специальным убором. Зоя Лаврентьевна не помнила, как именно он назывался, называла чехольчиком.

– Идем с женщинами в поле, – продолжала она. – Люди едут, дивятся: девчушка, а по-бабьи подвязана!

– Маленьких у нас доселе в деревне не было. Все матеруши были. Вот соберемся гулять, а Клаша залезет на скамейку и смеется: «Кто говорит, что я маленькая???» Все хохотали с ней, ох, и шутница была! Хорошо они прожили с Андрюхой век-то, – заключает баба Зоя.

Коренной перелом

Не жили богато – нечего начинать. В этой поговорке отражена судьба русского крестьянства и русской деревни. По словам Зои Лаврентьевны, Головнины, их дети и односельчане стали бы миллионерами, если бы власти не затеяли очередную аграрную реформу – коллективизацию.

С 1929-го по 1933 годы большинство земледельцев вынуждены были свыкаться с мыслью, что их труд идет в пользу государства, а их собственное существование зависит от того, сколько они получают от своего огорода и своей коровы.

В то время Лаврентию Титовичу было уже больше шестидесяти лет, работал он сторожем да скотину в колхозе колот.

– Как вспомнишь, ой-ей-ей! – сокрушалась баба Зоя, показывая свои длинные скрюченные пальцы. – Ох, и поработали мои рученьки!

И дома работали, и в колхозе! Трудились за трудовни, денег не видели...

– Мы даже песню сложили: колхозницы-канареечки, проработали год без копейки! – поет баба Зоя. – Лишь бы до постели добраться! А если самовольно дома останешься – в бане помыться или постирать, трудовни снимали.

Огороды куканские садили большие. И картошку, и морковь, и лук выращивали. Поливать и ухаживать было некогда, а все само почему-то рождалось.

Баба Зоя прожила 96 лет, но до последних дней не забыла, как колхозники овес убирали...

Полетел однажды в сентябре снег, задул ветер ледяной. Председатель колхоза напугался, что зима наступила, и распорядился срочно овёс скосить.

– Да сколько пришлось на полосе плакать! – вспоминала Зоя Лаврентьевна. – Руки замерзнут – как снопы подтыкать? Бежишь весь мокрый на хутор, где колхозников обедами

кормили. Поешь-попоешь горячего, согрешься, одежду обсушишь – и назад... Так овес и убрали.

А потом потеплело и все растаяло...

«
Руки, кони, руки да кони, – приговаривала баба Зоя. – Машин да тракторов тогда не было. В работе вся молодость и прошла. Не износила я, не испила, не съела лакомого кусочка...
 »

Помнила Зоя Лаврентьевна и то, как весело отмечала молодежь праздники. На улице плясали под гармонь, частушки пели.

– Хочешь познакомиться – приходи на бугорок, приноси буханку хлеба и картошки котелок! – по-девичьи голосила и смеялась баба Зоя. – Есть-то нечего было!

Всегда добавляла:

– Никаких вечеров с выпивкой не было. Ребята и девки заведенья такого не знали!

В каждом доме иконы висели. Сел за стол и не помолился? Отец обязательно построжится: «Почему не молишься?» Ходили в Лебеди в церковь.

Так, с Божьей помощью, общим трудом да смекалкой, куканцы жили и вставали на ноги.

– Я всю жизнь верую. Всю жизнь Бог наказывает меня за грехи-то. Детей отобрал... Немец хотел нас взять, а Господь, видишь, не допустил.

Мужа Зои Лаврентьевны, ссыльного немца, расстреляли в 1937 году. Осталась она одна с двумя ребятишками: Сашей и маленькой Валентиной.

А тут еще перед войной случай произошел...

– Мы к тебе, дед, за долгом! – в избу старика Лаврентия Головнина нежданно-негаданно явились непрошенные гости, «три пузана», как запомнила их внучка, Таисия Малышко.

– А я с вами давно рассчитался! – слез с печки Лаврентий Титович.

– Ну, докажи! – ухмыльнулись гости.

Вот и настало время достать бережно хранимую железную коробочку с расписками жителей деревни и банковскими квитанциями. «Пузаны» все по годам да по суммам сверили и сказали:

– Ну и счастливчик ты, дед! В тюрьме бы умер, а не на печке!

Развернулись, ушли.

Марта

С 1937 года Зоя Лаврентьевна с детьми жила в Промышленной. Жили, как все, впроголодь. Отец не раз звал дочь к себе в деревню: «Будешь, – говорит, – работать в колхозе, ребятишки при нас будут». Но Зоя, в девичьи годы хлебнув сполна колхозной жизни, не соглашалась. Да и отношения с младшей сестрой Марсеей не ладилась. Та жила с детьми в ро-

дительском доме и не особо сестру привечала.

Держала Зоя Лаврентьевна корову. Чтобы накопить травы, звала отца подсобить.

Косили недалеко от железной дороги. Как едет поезд, Лаврентий Титович вздыхает:

– Увез поезд окаянный маво Мишеньку...

Мишенька, старший брат моей бабушки Вали, сын Андрея Лаврентьевича и Клавдии Андреевны Головниных, был у деда любимым внуком. В раннем возрасте Миша болел рахитом и долго не мог встать на ножки. Пойдет дедушка Лаврентий в лес, найдет муравьиную кучку, принесет домой, запечет в печи и греет внуку ножки. Лечил дед внука, лечил, надежды не терял – и Мишенька пошел!

Умер дед Лаврентий в декабре 44-го. Не дождался Мишеньку...

А в апреле 1941 года Андрей и Клавдия с детьми Таей, Мишей и Валей отправились жить на цветущую Украину.

– С Украины много у нас народу жило. Ссылные были. Яша наш на украинке женился. Андрей покумился с украинцем: Мише крестного нашел. Он-то и позвал Андрюху.

– Поедем, кум! А каже у нас там красота, тепло, фрукты!

Сколько отец уговаривал: «Андрюш, не езд, вот-вот война начнется!» Тот не слушал.

– На Украине наших кацапами звали. А как только война началась да попали под оккупацию, немцы в первую очередь за кацапов взяли, – объясняла Зоя Лаврентьевна.

Взяли Андрея Лаврентьевича в плен. Дадут им стакан воды, 200 граммов хлеба и по 12 часов работать заставляли. Многие умирали. «Лежим, – говорит, – сил нет подняться. Думал, все!»

А у немков-то мужей на войну отправили, одни они остались с детьми и стариками. Предложили немцам выбрать работника и откормить. «Подымают нас, одна на меня смотрит, говорит: «Этого возьму». Привела домой, еле дошел. Дала две ложки супа и вот такую крошечку хлеба. Объясняет, мол, больше нельзя, умрешь!»

Каждый день Марта прибавляла по чуть-чуть еды и через месяц откормила-таки Андрея.

Жила она с отцом и двумя детьми. Подошел к нему старик, говорит, дескать, пора отправляться на работу. «Говорю: ты мне руками показывай, что делать. Я тебя не понимаю, – вспоминал Андрей. – Тот понял, показал: вот коровы, вот телега, вот лошадь, косить будешь.»

На третьем году жизни в плену наши войска стали подходить к Берлину. Немка попросила выкопать яму, в которую закопали вещи, и предупредила:

– Как только получишь команду, запрягай коней, нам до света нужно уехать. Русские придут – нам капут!

Андрей захомотал коней и ждал команды. А она плакала-плакала, упала и уснула. Прошнулась – на дворе светло. Куда уедешь? Так они и не уехали, а когда узнали, что русские подошли к Берлину, танков понагнали. Андрей Головнин пошел к танкистам.

Танкист смотрит на него, спрашивает:

– Ты русский?
– Русский!

Наливает стопку водки:
– На, выпей за Победу!

Затем сказал, что всем советским пленным дали команду явиться в такой-то дом. Андрей вернулся к хозяйке, та положила ему в рюкзак хлеба и сала, он попрощался и ушел.

Пришел – начались допросы. Тех, кто хоть маленько в рассказах путался, отправляли в подвал. Когда Андрей Головинин рассказал историю, какими путями попал в плен, его сразу зачислили в Советскую армию. Андрею Лаврентьевичу было уже почти сорок лет, через год его домой отпустили.

Моя бабушка, дочь Андрея, рассказывала, что вернулась тятя ночью:

– Стучит в дверь. Мама спрашивает: «Кто?» Он отвечает: «Открывай, Клаша, Андрюша пришел!» Мы как все подскочили: Миша, Тая, я, поймались за него и заревели.

Написали матери в Россию письмо, выхлопотали пропуск и вернулись домой, в Подкопненую. Настрадались на Украине. Спасая от плена, Мишу прятали в яме. Клавдия Андреевна с дочками работали. Опоздать на работу не разрешалось.

– Один раз Марко опоздал, – уточняет Зоя Лаврентьевна. – Так 40 ударов плетью получил. Месяц сесть не мог!

Мать, Арина Егоровна, все глаза о сыновьях проплакала. Яшу на Восточный фронт забрали, Андрея – в плен. Поворожит, поворожит – выйдет, что живой Андрюша. Да какой живой, не верит она, если немец угнал???

А потом татарин какими-то судьбами на Кукан попал. «Дайка, – говорит маме, – поворожу. Живой, бабушка!» Мама отмахивалась: «Ой, Иван, ты меня только веселишь!»

А татарин как в воду глядел! – Кабы не забрала меня Марта да не выходила, не быть мне живому, – благодарил немку Андрей Лаврентьевич до конца своих дней.

... Во время Великой Отечественной войны в огородах садили много картошки.

– Ели ее как хлеб. У кого картошки в огороде не было, сидели голоднехоньки, – рассказывала Зоя Лаврентьевна. – Сил нет, а работать надо!

Женщины на быках пахали, на коровах боронили, старики руками хлеб сеяли.

– Корова-то пашет, пашет, устанет да упадет, а бить ее нельзя. Она ведь кормилица... Та отдохнет, встанет, опять ташит борону! Тяжело было, фронту ведь помогали! – говорила баба Зоя.

Рожь уродится, в пекарне хлеба напекут, привезут в контору и по 200 граммов на семью дадут.

– То ли сама съем, то ли детям отнесу! – говорили женщины. Ходили все полуживые.

Моей прабабушке, Марье Васильевне Носовой, муж хороший, башковитый, достался. Трактористом был, на фронт его не отпускали. Но в 1943 году все-таки забрали Ивана Васильевича, там он и погиб.

Марья осталась с восьмью ребятишками – Иваном, Татьяной, Зинаидой, Николаем, Алек-

сандром, Петром, Анатолием и Павлом – одна... Всю войну голодали, картофельными очистками питались.

Горе за горем

– Через год дочь Андрея, Таисия, вышла замуж за Парфенькина сына – Мишу Панова, – снова начала баба Зоя. – Наступил ей срок рожать. А свекровь ее водой напоила, чтобы не разродилась. И ребенок встал.

Пока везли Таю до больницы на лошади в Промышленную, начались родовые припадки. Ей между зубов ложку металлическую давали, так она всю ложку искусила. Довезли.

– А кума ко мне пришла, принесла петушка. Заколи, мол, пойдем завтра Таю навестить, – дрожащим голосом рассказывает баба Зоя. – Наварили супу, приходим к обеду. Сестра с акушеркой вышли, стоят в дверях, глядят то друг на дружку, то на нас. Мялись, мялись, да говорить-то надо. «Умерла, – говорят. – Ребенок мертвый родился». Ой, мы как заревели...

С тех пор Клавдия Андреевна, мать умершей Таи, все хуже и хуже становилась... А Пановы из деревни уехали.

Жизнь снова шла своим чередом. Сын Андрея, Михаил, стал помощником отца на кузнице, женился на Елене Карпенко. У молодых родился первенец Коля. Андрей Лаврентьевич души не чаял в своем внуке. Вернется домой после рабочего дня, с порога: «Мальца, поди, не выгуливали? А ну, заворачивайте его мне!» Так и крутился возле него.

За Колей появился второй внук, Вася. Оба внука уже подросли, когда вновь в семье Головинных случилась трагедия – девятилетний Коленька утонул...

Не тоскуй, кукушка!

Кузнец Андрей Головинин, мой прадед, считался в деревне первым человеком. Двери маленькой избушки Головинных были всегда распахнуты. Здесь квартировала учительница, постоянно приезжали внуки, собиралась многочисленная родня, соседи.

Односельчане называли Андрея Лаврентьевича кулаком, но по-доброму. Жил он всегда зажиточно, но всем деньги занимал. Кроме того, что Андрей имел самую уважаемую профессию, без которой жизнь села во все времена была невыселима, держал большое хозяйство, мог позволить себе разные диковинные вещи. Первые телевизор и мотоцикл на Кукане появились именно в их доме.

Выдав свою дочь Валюху замуж за Петра Носова, сына погибшего на войне Ивана, дед Андрей купил молодым в Промышленной домик и коровенку, помогал, пока те не встали на ноги.

В этом доме выросла моя мама, Нина Носова, ее брат, Геннадий Носов. В этом доме я впервые увидела куканское братство: многочисленное, веселое, с плясками и частушками под гармонь деда Миши.

Там же, на Кукане, жила баба Марья Носова.

Очень любил навещать Андрея Лаврентьевича художник, журналист и писатель Юрий Панов. Приезжая в Кукан, Юрий

Парфентьевич рисовал местную природу, беседовал с моим прадедом. Последний раз писатель был на родине в 1980 году, когда уже деда Андрея не стало...

Деда Миши, моих бабушки и дедушки нет уже много лет, но память о них хранится в доме на улице Калининской, где по сей день живут мои родители.

...В следующем году исполнится 100 лет со дня образования деревеньки Подкопненной. Головинны, Угрюмовы, Носовы, Ушаковы, Гуляевы, Малышко, Савельевы, Черниковы, Иковенко, Карповы, Ефремовы, Бебянкины, Шевченко-Глуховы, Кирпичниковы, Живаевы, Гитлейны, их дети, внуки и правнуки... Легче, наверное, перечислить промышленников, кто не является моей куканской родней.

Уже не собираются они вместе по большим праздникам, не шутят, не поют, не пляшут. Не объединяет их общее дело и надежное плечо друг друга. Каждый живет сам себе, по-настоящему одиночно. И только старые фотографии хранят память о большой, необыкновенно дружной, веселой и крепкой куканской семье. Замолкла родная деревня, замолкла коренная Рассея. Но...

«Не вини людей, вини время», – говорят старые люди, верящие в ее обязательное возрождение.

Еще здравствует внучка Лаврентия Титовича и Арины Егоровны – Таисия Андреевна Малышко, дочь Марии Лаврентьевны. Много может она о той жизни рассказать, с частушками да такими прибаутками, что уши в трубочку сворачиваются...

Здравствует другая внучка Лаврентия – Светлана Яковлевна Гуляева, с недавних пор живущая у дочери в Кирове.

Совсем молодой внук деда Лаврентия Головинина – Анатолий Гаврилович Ушаков. Он недавно отметил 70-летие.

Полна сил сноха Андрея Лаврентьевича и Клавдии Андреевны Головинных – некогда лучшая доярка колхоза Елена Афанасьевна Головинина. Уже три года живет она в семье сына, Николая Михайловича, в Запорожье. Ей почти 90 лет. По-прежнему, как в молодости, хватается за любую работу. Не так давно, пока детей дома не было, стог сена на сеновал перетаскала... Не сломила ее потеря сыновей, не согнул тяжелый колхозный труд, выстояла...

Здравствуют внук Андрея Ивановича и Варвары Захаровны Угрюмовых, Петр Михайлович, с женой Натальей Николаевной.

Здравствуют снохи погибшего на фронте Ивана Васильевича Носова – Аля Константиновна и Любовь Афанасьевна Носовы. Нячат внуков да правнуков.

... Хочется посидеть с моим земляком Юрием Пановым и многочисленной родней на Кукане, в березовой роще, помечтать... И на вершине старой березы, которая помнит всех моих прадедов, закукует кукушка.

– Ку-ку, ку-ку...

– Раз, два... десять, – считаю я, загадав, чтобы кукушка накуковала нам как можно больше лет. Столько, сколько и должны прожить люди на земле, ее сыновья, ее труженики. Столько, сколько и должна жить русская деревня.

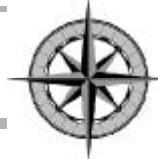
Арина Егоровна Головинина, её дочь Зоя со старшим сыном Сашей и дочкой Валей, внучка Валя Головинина.

Михаил Панов с женой Таисией Андреевной Головинной.

Носов Петр Иванович (справа) с женой Валентиной Андреевной и сыном Геней.

Таисья из рода Головниных

Татьяна КОВАЛЕВА ■

Таисья Малышко – коренная, куканская. Как и её родители – Андрей Михайлович и Марья Лаврентьевна.

Отец Таисьи рано оставил семью и за свою жизнь успел несколько раз жениться. Матери пришлось одной поднимать троих детей.

Сама Марья Лаврентьевна из известного в деревне рода Головниных.

– Сколько пришлось маме вынести на своих плечах, не перескажешь, – вспоминает Таисья Андреевна. – И конюхом была, и коров доила, за овцами, свиньями ходила, сторожила. Раньше каждое утро были раскомандировки. Бригадир сам распределял, кто куда пойдёт работать. Попробуй откажись – следующий раз вообще работу может не дать, а трудодни надо зарабатывать.

Доучиться Таисья успела только до седьмого класса, в 14 лет пошла матери помогать. Хотя и учёба была не сахар. Только четыре класса прочилась в родной деревне, потом пришлось пешком ходить в Лебедевскую восьмилетку. Пять километров туда – пять обратно. Бывало, в школе задерживались, домой поздно возвращались.

– А охотников тогда пол-

но было, – рассказывает Малышко. – В темноте стреляли. Думаешь, хоть бы не подстрелили. И волков тогда много было.

– Лютой зимой они заходили прямо в деревню, – продолжает Таисья Андреевна. – Саманные домики небольшие, окна низкие, завалинки засыпало снегом до самых рам. Волки окружали дом, в окна заглядывали. От их горящих глаз даже в избе светло становилось. Жуть!

Позже ученики стали жить в интернате. Их возили на тракторе с тележкой, потом уж автобус появился.

На школьную форму, учебники, одежду, обувь ребята старались сами летом зарабатывать.

– Нарвём, бывало, клубники, – говорит Таисья, – часов до двух ночи её перебираем, а рано утром на базар, в Промышленную. Через Иню в брод ходили.

Как и многим колхозникам, Таисье пришлось освоить не одну профессию: и свинаркой была, и дояркой, и сеялки заправляла в посевную.

– Случай был такой, – вспоминает Таисья Андреевна. – Пошла на луг коня ловить, не знала, что тот не любил, когда на него уздечку накидывают. Встал на дыбы и стукнул копытом по

голове. Я упала на землю, плачу, плачу. А что делать-то? Надо зерно к сеялкам подвозить. Встала.

– Год работаешь, работаешь, мечтаешь что-нибудь купить, а в конце года получишь 20-30 рублей – и все мечты вдребезги, – говорит Таисья Малышко. – Денег тех хватало на простенькую одежду и обувь. Хорошо, отчим сам валенки катал.

Второй раз мать Таисьи вышла замуж за Николая Ивановича Пасловина, за пимоката. Валенками всех снабжал – от Кукана до Ленинска-Кузнецкого.

В молодые годы Таисья в деревне слыла отличной певуньей да плясуньей. Тоже дважды замуж вышла. Со вторым мужем, Леонидом Шабашовым, прожила пятьдесят лет в гражданском браке. Троих детей от него родила. Так получилось, что все они носили фамилию первого мужа, Алексея Карпова.

Старшая дочь, Маргарита, сейчас живет в райцентре, вторая, Марина, – в Уфимцеве. Младший сын Таисьи Андреевны, Константин, – в Промышленной. У него она и коротает свою старость. Сноха Светлана относится к ней душевно, заботится. А что ещё нужно человеку на закате жизни?

Марья Лаврентьевна Малышко с мужем, дочерью Таисьей и сыном Владимиром.

Сена копна да каравая кусок ароматный

Павел КИРСАНОВ ■

Больше ста лет назад заселили деревню Подкопненную предки промышленновца Анатолия Ушакова, разменявшего сегодня восьмой десяток.

– Мой дед, Лаврентий Головнин, с бабушкой Ариной уговорили другие семьи заселиться на правом берегу Ини, – рассказывает Анатолий Гаврилович. – В числе первопроходцев – многодетные семьи Угрюмовых, Лизневых, Анниковых, Носовых, Разумовых...

Земли были плодородные. Богатые жители Новой деревни на мельницах молотили, семена и урожай переплавляли на баркасах. Не чета беднякам!

Сначала жили в землянках. Позже переселенцы начали перевозить из Новой деревни свои дома.

В войну фронт кормили, а сами ели солодку, картошку мерзлую, колоски собирали. Кстати, за горсточку колосков давали реальные

тюремные сроки. Сеяли рожь, урожайность на тех землях высокая была. Работали в основном бабенки, мужиков всех на фронт забрали.

– Дед с бабушкой умерли в Подкопненной: он – в 1944-ом, бабушка – в 1947-ом. Мне тогда два месяца от роду было, – рассказывает Ушаков.

В 1960-х годах в Лебедях образовался колхоз «Искра». Построили зернохранилище, сушилку. Отделение колхоза было и в Подкопненной. В колхозе разводили свиней, овец, коров, лошадей.

Анатолий Гаврилович начал работать лет в десять-двенадцать, на лошадях возил копны.

Образовался колхоз – открыли начальную школу. Был клуб для молодежи, работала почта.

Послевоенный колхозный труд был очень тяжким.

– Советское крепостное право, – так отзывается о тех временах Ушаков. – Сначала колхозу собери – потом свое коси. Так и работали – за рубаху и кирзовые сапоги, живых денег не видели. Держались своим хозяй-

ством. Поросят заколешь – одного себе, другого – на продажу. Паспортов у колхозников не было, а в город без них не принимали, на работу никуда не устроиться. В Промышленную бежали молодые да грамотные, а колхозникам куда от сохи да от вил?

– В колхозе получали продуктовую пайку: пшеницу и овощи, – рассказывает Анатолий Гаврилович. – Хозяйки сами пекли ржаной хлеб в русских печах. Дух захватывал, какой аромат плыл. Такого вкусного и сытного хлеба я с тех пор не ел. На посевной кусок каравая кружкой молока запьешь – полдня сытый.

Долго еще Анатолий Гаврилович рассказывал про сытный и ароматный ржаной хлеб. Ведь это вкус детства и воспоминания о родителях, о тех далеких и трудных временах.

Года стирают из памяти воспоминания. Историю деревни Подкопненной Ушаков узнал от матери, Зои Лаврентьевны. Она же показывала сыну могилы деда и бабушки. Теперь на этом месте лишь два холмика...

Родина

*Стволов березовых туман,
Просторов скошенных поля.
Здесь моя Родина – Кукан!
Здесь наших прадедов Земля.
Чтоб вам отдать свою любовь,
Мы здесь сегодня собрались.
Ведь ваша жизнь и ваша кровь
В праправнуков перелились.
Под скромным холмиком земли
Лежит России верный сын,
К тебе с почтеньем мы пришли,
Лаврентий Титыч Головнин!
Ты рода нашего исток!
И Богом дар тебе был дан –
Создать здесь райский уголок,
Труда и радости – Кукан!
Татьяна ГОЛУБОВСКАЯ
(Ушакова),
правнучка
Лаврентия Головнина,
г. Кемерово.*